

А.Ю. СЕРЕГИНА

## РЕФОРМАЦИЯ, РЕФОРМАЦИИ И ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ В ЕВРОПЕ XVI–XVII вв.

---

В статье представлена рецензия на монографию Хэлен Л. Пэриш «Краткая история: Реформация». В книге рассматриваются основные мифы о Реформации, сложившиеся у европейцев к 2017 г., празднованию ее 500-летнего юбилея, и подходы современных историков к проблемам изучения истории религии раннего Нового времени. *Ключевые слова:* Реформация, реформации, реформа церкви, история религии, Мартин Лютер, протестанты

---

Среди публикаций, подготовленных в связи с юбилеем Реформации, появилась монография, перевод которой на русский язык выпустило в начале 2020 г. издательство КоЛибри (английский оригинал книги вышел в издательстве I.B. Tauris, в серии «Краткая история»)¹. «Краткая история Реформации» написана известным специалистом по истории религии раннего Нового времени, профессором Редингского университета Хэлен Пэриш. Написанный ею очерк истории Реформации не представляет читателю рассказа о событиях и даже не затрагивает все возможные аспекты темы. Ее книга – это обращение к самым популярным и распространенным мифам о Реформации и протестантах, существующим в европейской культуре. Такой фокус издания не дает полного и исчерпывающего представления о том, как именно сейчас пишется история Реформации, но зато может оказаться увлекательнее для широкой аудитории.

Во Введении Пэриш прослеживает, как менялись представления о том, чем была Реформация, на протяжении XX в. Хронологические рамки Реформации раздвинулись, охватывая теперь вместо первых десятилетий XVI в. большой период с конца XIV по конец XVII в. И если раньше Реформация всегда противопоставлялась Католической Реформе (Контрреформации), то теперь историки склонны не противопоставлять их и тем более не сводить происходившее в католической церкви к реакции на вызов протестантов, а рассматривать как параллельные движения за реформирование церкви и всей христианской жизни, как явления одного порядка. Такой подход объясняется радикальным расширением исследовательского поля, маркируемого термином «Реформация». Если раньше оно относилось к сферам политической истории и истории церкви и догматики, то в XX в. – к социальной истории религии и антропологии. Историков стали в меньшей степени волновать нюансы полемики, и в гораздо большей – способы распространения новых учений, реакции на него верующих в приходах и на городских улицах, а в конечном итоге – тот исторический протестантизм, который возник в результате взаимодействия усилий проповедников, светских элит и реакций на них самих верующих.

---

¹ Пэриш 2020; Parish 2018.

Монография состоит из шести глав, каждая из них посвящена одному из мифов, связанных с Реформацией и протестантским учением. Открывает ее глава, в которой рассматривается основополагающий миф, дающий истории Реформации точку отсчета – а именно, выступление Лютера в Виттенберге, его знаменитые «95 тезисов», прибитые к двери собора. Х. Пэриш показывает, что при всей символической значимости жеста Лютера, приписанной ему поколениями реформаторов и историков, он не может считаться отправным пунктом Реформации (с. 31-34). Идеи Лютера о спасении и оправдании верой были прочно укоренены в позднесредневековой теологии. Католическое богословие XIV–XV вв. включало в себя целый спектр мнений относительно спасения, в т.ч. и положения, от которых позднее будет отталкиваться Лютер. Таким образом, история реформационного богословия начинается задолго до выступления Лютера (с. 38-40). Более того, Пэриш показывает, что при всей резкости критики злоупотреблений, допущенных при продаже индульгенций, Лютер в «95 тезисах» еще не сформулировал ничего по-настоящему противоречившего католическому учению о спасении. Лишь столкнувшись с сильной оппозицией, вынужденный защищать каждое положение, Лютер в своих произведениях начала 1520-х гг. вышел за рамки приемлемого для католической церкви (с. 47-54), сформулировав положения, которые обычно связывают с его именем – оправдание верой (*sola fide*) и абсолютный авторитет Писания в вопросах вероучения (*sola scriptura*).

Вторую главу Пэриш посвящает расхожим представлениям о тесной связи между книгопечатанием и распространением протестантизма. Долгое время было принято считать, что протестанты быстро поняли возможности нового средства коммуникаций и использовали его пропагандистский потенциал. Эта идея, прочно связывающая протестантов с развитием новых технологий, а значит, с прогрессом, господствовала среди ученых до конца XX в., а среди широкой публики – и того дольше. Тем не менее, детальные исследования книжных рынков разных стран опровергли эту связь (с. 57-66). Корреляция между распространением книгопечатания и протестантских идей существует лишь применительно к Германии, где технологии книгопечатания имели самую длинную историю, где существовал большой рынок для книжной продукции, а наличие множества юрисдикций (князей, епископов, городов и т.д.) и легко проницаемых границ между ними резко снижало возможности цензуры и контроля над книготорговлей. В других странах книжный рынок оказывался под прочным контролем властей и способствовал распространению господствовавших религиозных идей (католических или протестантских).

Пэриш задает и другие важные вопросы: в какой мере факт покупки протестантских памфлетов мог свидетельствовать о согласии покупателей с изложенными в них взглядами? Что именно читатели усваивали из текстов, покупка которых могла быть обусловлена их сенсационностью? Сам Лютер и другие реформаторы стали жертвой своего успеха: их тек-

сты бесконтрольно перепечатывались, компилировались и редактировались. Печать далеко не всегда обеспечивала единообразие текста; напротив, она создавала простор для бесконечной его вариативности. В главе рассматривается и вопрос о том, мог ли протестантизм быть религией печатного слова в мире, большинство населения которого не умело читать. Проповедь, обращенная к европейцам, чаще всего оказывалась устной. Правда, Пэриш оговаривает, что о восприятии проповедей известно совсем немного, несмотря на то, что в ее тексте есть ссылки на новейшие исследования, посвященные проповедям и тому, как именно их слушали (с. 72, 80). Такое невнимание досадно, однако оно проистекает из стремления автора показать, что протестантские проповедники использовали и другие способы распространения своих идей. В частности, в главе говорится о пении лютеранских гимнов на немецком языке; здесь популярные и узнаваемые мотивы соединялись со словами, при помощи которых до прихожан доносилось содержание учения Лютера (с. 73-74), другим маркером протестантизма и одновременно важной частью религиозной жизни протестантских общин было пение псалмов (с. 75-76).

Еще одним важным способом пропаганды идей Реформации стало соединение визуальных образов и текста в популярных изображениях, прежде всего, гравюрах. Упомянутые Пэриш гравюры зачастую отражают критику католических ритуалов и практик – мессы, почитания икон и святых мощей, паломничеств и т.п. Этот момент в книге отмечен, но не развит (с. 78), а это важнейшая для понимания сути Реформации деталь: распространение протестантских идей среди прихожан прежде всего означали отрицание католической литургии, ритуалов, т.е. того, что в XVI в. называли словом *religio* (*religion*), а главным фокусом проповеди, какие бы формы она ни принимала, оказывалось именно правильное богослужение и молитва, очищенные от суеверий. Литургическому аспекту Реформации, ключевому для современников, в книге уделено недостаточно внимания. Отчасти причиной тому, видимо, стремление обращаться к темам, знакомым студентам и читателям, предлагая их новые трактовки. Для современного европейца мир религиозных практик остается непонятным и уж во всяком случае не тем, с чем можно знакомить начинающих историков на уровне введения в дисциплину.

Долгое время исследователи отождествляли религию с вероучением, невольно рассматривая ее с позиции теолога. Изучение нормативных аспектов религиозных традиций обычно приводило к игнорированию их переживаемых, материальных и телесных аспектов. В результате, история религии (за исключением области антропологических исследований) оставалась «дематериализованной». Лишь в последние пару десятилетий материальность религиозных культур по-настоящему стала объектом изучения<sup>2</sup>. Рост интереса к телесности и материальности религиозных практик привлек внимание и к опосредовавшим их чувственным восприятиям, и к изучению последних в контексте религиозных культур. Эти

<sup>2</sup> Обзор историографии см.: Серегина 2018.

подходы сейчас активно используются в изучении истории религии в Европе раннего Нового времени<sup>3</sup>. Хотя такие исследования и учтены в библиографии книги (с. 257), это обстоятельство не отражено в тексте, сфокусированном на распространении идей и вероучений.

В главе 3 речь идет об отношении протестантов (прежде всего, лютеран) к иконам и изображениям в церквях. Автор прямо противопоставляет визуальное восприятие католической литургии верующими протестантскому богослужению с его фокусом на слове (с. 90). Современные исследования чувственных восприятий в области религиозных практик давно ушли от таких упрощений. Однако для автора оказывается важным подчеркнуть, что Реформацию и протестантов не стоит ассоциировать только с иконоборчеством, скорее, речь идет о переосмыслении роли и места традиционных образов в религиозной культуре. Так, Пэриш приводит данные исследований, посвященных культу Девы Марии среди лютеран Нюрнберга (с. 96-97): сохранение чтимых образов Богородицы при переосмыслении ее как образца добродетели и благочестия. Рассматриваются также протестантские изображения в храмовом пространстве, в частности, полотна Кранаха-старшего (с. 99), представлявшие собой лютеранские интерпретации библейских тем и изображения таинств.

Обращаясь в главе 4 к теме авторитета в протестантских церквях, Пэриш показывает, как провозглашенный Лютером принцип *Sola Scriptura* отнюдь не разрешил вопроса об авторитете в вопросах веры и о власти в церкви (с. 106-112). Вооруженные новейшими принципами гуманистической критики текста реформаторы не были согласны между собой даже в том, какие книги могут быть включены в библейский канон и что именно можно считать Писанием, поэтому противопоставление ему церковной традиции на практике оказывалось бессмысленным и опасным. Свободные толкования Писания верующими приводили к возникновению течений (с. 113-131), неприемлемых и для реформаторов, прежде всего из-за их крайнего антиклерикализма. Отрицание власти церкви толковать Писание порождало идею ненужности национальной церкви и любых объединений, кроме локальных общин верующих. Таким образом, доведенные до своего логического завершения принципы Лютера неизбежно приводили к появлению радикальных течений, не вписывавшихся в рамки компромисса церковных и светских властей, осознавших, что единообразие в их владениях – залог политического порядка (с. 129).

Глава 5 рассматривает воздействие Реформации на брак и положение женщин, опирается на собственные исследования Пэриш и представляет собой самую интересную часть книги. Обычно считается, что Реформация, устранив целибат клириков и монашескую жизнь, возвысило статус брака и улучшило положение женщины, которых теперь не запирали в стенах монастырей против их воли. Однако Пэриш показала, что в сочинениях Лютера речь идет о браке как о средстве против похоти (она зачастую охватывала и монахов, неспособных выполнить свои обеты), а

<sup>3</sup> Обзор историографии последних десятилетий см.: Серегина 2019.

идеальная семья в его представлении – патриархальна и полностью подчинена руководству главы семейства. В протестантском мире для женщины открывался лишь один путь – быть женой и матерью, и исчезали возможности самореализации другими способами, через женские общины монастырей, где женщины, отказываясь от брака, могли проявить свое религиозное призвание, не говоря уже о литературных и музыкальных талантах, способностях к обучению, организации жизни обители и управлению людьми. Все это перечеркивалось закрытием монастырей. Неудивительно, что монахини не приветствовали роспуск своих обителей, были порой готовы продолжать жизнь в общине, приняв лютеранские вероучение и обряды, или как учительницы в школах для девочек. При этом деятельность женщин, принявших учение Реформации, готовых и способных его распространять, не приветствовалась новыми церковными властями (с. 158-163). Представление о Реформации как очередном шаге к эмансипации женщин не имеет под собой основания.

Глава 6 посвящена отношению протестантов к сверхъестественному, точнее, обращена против до сих пор сохранившего определенное влияние тезиса М. Вебера о «расколдовывании мира»: представлению о том, что критическое отношение протестантов к чудесам и магическим элементам в католической культуре представляло собой поступательный шаг на прогрессивном пути от средневековых суеверий к светскому рационализму нового времени. Пэриш, однако, апеллирует к многочисленным исследованиям, оспорившим этот тезис. Критическое отношение к религиозным обычаям и практикам, объявлявшимся суевериями, было характерно и для католических реформаторов и не может быть объяснено влиянием протестантского учения. Кроме того, новейшие исследования убедительно показали, что Реформация не привела к де-сакрализации пространства в Европе, а переосмыслила ранее существовавшие сакральные пространства и объекты или даже создала новые. Протестанты приспособляли практики традиционной религии под свои нужды, что проявилось, например, в повествованиях о неопалимых портретах Лютера, чудесным образом сохранившихся при пожаре, вере в духов и привидения, чудеса и знамения, посылаемые божественным провидением и т.д. Пэриш принимает концепцию А. Уолшем<sup>4</sup>, которая выдвигала идею циклов де-сакрализации и ре-сакрализации, сопровождавшихся бурными спорами о природе и границах сверхъестественного (с. 191-193).

В Заключении говорится о том, что Реформация, лишившаяся четких очертаний, не может быть сведена к событиям политической или церковной истории. Размывание границ требует переосмысления самого термина; неслучайно современные историки часто отказываются от термина Реформация, подразумевающего связанный единым объяснением ряд событий, заменяя его множественными параллельными реформациями (с. 196-197). Не менее сложными для понимания и аморфными оказываются и другие ключевые понятия, например, протестант или лютеранин.

<sup>4</sup> Walsham 2008: 497-528.

Однако сама невозможность универсального описания Реформации как нельзя лучше проявляет ее наследие, если считать, как говорили сами реформаторы, что их задача – подталкивать ум в новых направлениях.

Русский перевод книги мог бы послужить хорошим введением в историю религии XVI–XVII вв. для студентов и всех читателей, интересующихся темой. Однако низкое качество издания этому не способствует. Переводчица В.М. Феоклистова продемонстрировала незнание терминологии и контекста. На с. 41 читаем: «Чтобы грехи были прощены, христианин должен был испытывать печаль, исповедаться...». Ясно, что речь идет о таинстве покаяния, и фразу *feel sorrow* следовало перевести как «испытывать раскаяние». Переводчица не знает, что *house of religion* (или *religious house*) – это монастырь или конвент (с. 81 и далее), упорно переводит *veneration* и *worship* как поклонение (образам, святым и др. – с. 89, 102, 157 и др.), хотя в первом случае это просто неверно, а во втором – неверно по контексту. Оба понятия во всем тексте следует переводить как «почитание» – тонкость, важная для религиозной полемики конфессиональной эпохи. Та же проблема с понятиями *godly household* (благочестивая семья или благочестивый дом, а не праведное домашнее хозяйство, с. 146), *devotional life* (благочестие, а не праведная жизнь, с. 173 и др.).

Примеры можно множить, но все они показывают, что перевод мог бы сильно выиграть от качественной работы редактора. Увы, этого не произошло, так как редактор, д.и.н. А.О. Захаров, пропустил серьезные ошибки переводчицы, что и неудивительно, ведь сфера его научных интересов – история раннесредневекового Вьетнама и Явы. Незнание редактором предмета, которому посвящена редактируемая книга, создает порой комичные ситуации. Так, в комментарии на с. 111 он приписывает приводимую в тексте цитату скончавшемуся в 1949 г. американскому проповеднику Питеру Маршаллу (видимо, обнаружив его в Википедии), хотя в действительности речь идет о современном, вполне здравствующем историке, профессоре университета Уорика в Великобритании.

Другие ошибки серьезнее. Так, понятие *magisterial reformation* передается как «магистральная реформация», и редактор объясняет, что это – обозначение господствующих течений Реформации (с. 117). На самом деле, речь, конечно, идет о «реформации магистратов», т.е. реформации, поддержанной светскими властями того или иного княжества или города, в отличие от «радикальной реформации», такой поддержки не имевшей. Это понятие принципиально важно в главе, посвященной отношениям реформаторов с властями духовными и светскими<sup>5</sup>.

У редактора явно возникло неприязненное отношение к тексту, которое вылилось в комментарии. Эта негативная реакция примечательна потому, что отражает один из уровней восприятия текстов, посвященных религиозной истории, у российской публики, и поэтому заслуживает внимания. Изучение истории церкви и религии и, в частности, Реформации в советский период было практически невозможным; в результате знания

<sup>5</sup> Подробный разбор перевода и комментариев к нему см. в: Таубер 2020.

читающей публики прочно законсервировались на уровне исследований XIX в., которые начали переиздавать большими тиражами с 1990-х гг. Тогда же в России впервые появился перевод труда М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», оценившего протестантскую Реформацию как важную стадию на пути Европы к модернизации. Труд Вебера оказывал влияние на западных историков на протяжении десятилетий, но он появился почти сто лет назад и опирался на выводы немецких историков того времени, со всеми их заблуждениями, погрешностями и конфессиональными предрассудками. За прошедшие сто лет большинство выводов Вебера относительно Реформации и выдающейся роли протестантизма в истории западного мира были оспорены и если не вполне отброшены, то скорректированы и сопровождаются огромным числом оговорок<sup>6</sup>. Это было вызвано прорывом в области социальной истории религии и социальной антропологии, пришедшимся на 1960–1980-е гг. Однако бурное развитие социальной истории религии, радикально изменившей подходы к ее изучению, миновало советских историков. В результате российский читатель сохранил знание о Реформации на уровне начала XX в., пропустив все достижения и ожесточенные споры последующих десятилетий.

Текст же Пэриш, хоть и призванный ориентировать в современных подходах к теме, все же написан для читателя из второй половины XX в. и воспринимается в России с недоумением и отторжением. Это ярко проявляется в комментариях А.О. Захарова. Особенно показательны комментарии к заключению (с. 196), где его негодование вызывает отказ современных историков рассматривать события XVI в. как «Реформацию» и замена этого термина на «реформации», т.е. реформы церкви и религиозной культуры, которые могли приводить к доктринальному разрыву с католической церковью, а могли не достигать этой черты. На с. 198 его возмущает мысль о том, что термин «протестант» в XVI в. был не самоописанием, а ярлыком, при помощи которого оскорбляли оппонентов: «Сказать, что протестант, то есть сторонник свободного высказывания взглядов Лютером и/или последователь обновленной церкви – это ярлык, равносильно утверждению, что католик... или мусульманин – тоже ярлыки, между тем как это вполне содержательные термины, описывающие самосознание конкретного носителя веры». Ни один историк религии сейчас не согласится с тем, что: а) эти слова – не ярлыки, и что они б) могут описывать самосознание носителя веры, как не согласились бы с этим испанские солдаты Великой Армады, волею ветров выброшенные к берегам Ирландии. Встретив ирландцев, они не могли поверить, что перед ними – их единоверцы, хотя и те, и другие были католиками, и, следовательно, в их самосознании должно было быть много общего, следуя логике Захарова. Или, точнее, логике немецких ученых протестантов начала XX в., ведь именно их выводы, сделанные задолго до начала изучения массовых источников по истории европейской религии и, несомненно, окрашенные их конфессиональными предрассудками, и воспроизводятся в переводе.

<sup>6</sup> См., например, Eire 2014. P. 132-148.

Приходится с сожалением констатировать, что на уровне популярной истории более чем столетнее отставание отечественной истории религии от западной так и не преодолено.

### БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Eire C.M.N. Incombustible Weber: How the Protestant Reformation Really Disenchanted the World // *Faithful Narratives: Historians, Religion, and the Challenge of Objectivity* / Ed. by A. Sterk and N. Caputo. NY, 2014. P. 132-148.
- Parish, Helen L. *A Short History of the Reformation*. London: I.B. Tauris, 2018.
- Walsham A. The Reformation and the Disenchantment of the World Reassessed // *Historical Journal*. Vol. 51. 2008. P. 497-528.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Он же. Избранные произведения / Под ред. Ю.Н. Давыдова. М., 1990. С. 61-272 [Veber M. *Protestantskaya etika i duh kapitalizma* // M. Veber. *Izbrannye proizvedeniya* / Pod red. YU.N. Davydova. M., 1990. S. 61-272].
- Пэриш, Хэлен Л. Краткая история. Реформация / Пер. с англ. В. Феоклистовой. Под науч. ред. А.О. Захарова. М.: КоЛибри, 2020. 272 с. [Perish, Khelen L. *Kratkaya istoriya. Reformaciya* / Per. s angl. V. Feoklistovoj. Pod nauch. red. A.O. Zaxarova. M.: KoLibri, 2020. 272s.]
- Серегина А.Ю. Материальная культура английского католического сообщества XVI–XVII вв.: источники и перспективы исследования // ЭНОЖ «История». 2018. Т. 9. Вып. 9 (73) [Seregina A.YU. *Material'naya kul'tura anglijskogo katolicheskogo soobshchestva XVI–XVII vv.: istochniki i perspektivy issledovaniya* // ENOZH «Istoriya». 2018. T. 9. Vyp. 9 (73)]. URL: <https://history.jes.su/s207987840002484-1-1/> (DOI: 10.18254/S0002484-1-1)
- Серегина А. Ю. Материальные аспекты религиозной культуры раннего Нового времени и популярная история: обзор выставок, посвященных юбилею Реформации в Британии // Религия. Церковь. Общество: Исследования и публикации по теологии и религии / Под ред. А.Ю. Прилуцкого. СПб., 2019. Вып. 8. С. 412–426 [Seregina A.YU. *Material'nye aspekty religioznoj kul'tury rannego Novogo vremeni i populyarnaya istoriya: obzor vystavok, posvyashchennyh yubileyu Reformacii v Britanii* // *Religiya. Cerkov'. Obshchestvo: Issledovaniya i publikacii po teologii i religii* / Red. A.YU. Priluckogo. SPb., 2019. V. 8. S. 412–426]
- Таубер В.А. Где живут англичанцы? О русском переводе «Краткой истории Реформации [Tauber V.A. *Gde zhivut anglikancy? O russkom perevode «Kratkoj istorii Reformacii*] // *Vox Medii Aevi*. [http://voxmедиааеви.com/bibliotheca/reformation\\_review/](http://voxmедиааеви.com/bibliotheca/reformation_review/)

**Серегина Анна Юрьевна**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, [aseregina73@yandex.ru](mailto:aseregina73@yandex.ru)

### The Reformation, reformations, and the history of religion in the 16<sup>th</sup> – 17<sup>th</sup>-century Europe

The article presents a review of a monograph by Helen L. Parish [Perish, Khelen L. *Kratkaya istoriya. Reformaciya* / Per. s angl. V. Feoklistovoj. Pod nauch. red. A.O. Zaxarova. M.: KoLibri, 2020. 272s.; Helen L. Parish. *A Short History of the Reformation*. London: I.B.Tauris, 2018]. The monograph looks into the most important historical myths about the Reformation that existed in the minds of Europeans by 2017, the year of its 500<sup>th</sup> anniversary, and compares the stereotypes with contemporary approaches to the same topics by the historians of the early Modern religion.

**Keywords:** Reformation, reformations, church reform, history of religion, Martin Luther, Protestants

**Anna Seregina, Dr Sc. (History)**, leading researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; [aseregina73@yandex.ru](mailto:aseregina73@yandex.ru)